

18+

...В окрестностях Грозного и в ущельях Афганистана, герои этой книги всегда там, где их незримого присутствия требует не Он, не Она и даже не Оно, а некое великое, абстрактное, не совсем и не каждому понятное, но очень ёмкое понятие – Родина...

РОДИНА

А. Афанасьев

Александр Афанасьев

Родина

«Издательские решения»

Афанасьев А.

Родина / А. Афанасьев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-552542-0

В окрестностях Грозного и в ущельях Афганистана, герои этой книги всегда там, где их незримого присутствия требует не Он, не Она и даже не Оно, а некое великое, незримое, не совсем и не каждому понятное, но очень ёмкое понятие — Родина... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-552542-0

© Афанасьев А.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
Начало. 01 января 1995 года. Окраина г. Грозный	6
Шесть лет спустя. 04 января 2000 года. Между первым и вторым кольцом обороны г. Грозного. Временная база 45 полка ВДВ	17
Борт самолета Ту-154. «Салон» авиации погранвойск ФСБ РФ.	26
05 января 2000 года. Где-то над центральной Россией	
Окраина Москвы. Вечер 05 января 2000 года	27
Балашиха, Подмосковье. Центр подготовки войск специального назначения. 06 января 2000 года	31
Дом-2	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Родина

Александр Афанасьев

© Александр Афанасьев, 2021

ISBN 978-5-0055-2542-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В окрестностях Грозного и в ущельях Афганистана, герои этой книги всегда там, где их незримого присутствия требует не Он, не Она и даже не Оно, а некое великое, незримое, не совсем и не каждому понятное, но очень ёмкое понятие – Родина...

Часть 1

*Из века в век,
Как камни в жернова
Летят живые судьбы тех,
В ком радость, в ком любовь Его жива.
Но круг бежит.
И лишь песок струится между жерновов,
И мир лежит во мгле,
И не кончается любовь...*

Оргия праведников

Начало. 01 января 1995 года. Окраина г. Грозный

*Напиши на простом конверте.
То, что в жизни ты не сказал.
И в шаге от смерти.
Будь таким, каким Бог тебя знал.*

*Посмотри, как вокруг светает.
И как снег на солнце блестит.
Не спеши, пусть она ожидает.
Еще миг...*

*Потерпи, пусть она ожидает.
Еще миг...
Не спеши.
Ведь весна настанет.
Через миг...*

Океан Эльзы

– Боевая задача – продвигаясь параллельно железнодорожной ветке, выйти к вокзалу г. Грозный, деблокировать находящийся там сводный отряд восемьдесят первого полка, закрепиться на местности...

Гвардии майор Лизогуб – читает выписку из приказа командира полка. Щека его – предательски подрагивает...

Он потом часто вспоминал эти дни – потому что они определили всю его дальнейшую жизнь. И не только его – наверное, и всю дальнейшую жизнь огромной страны...

Никто особо ничего не объяснял – да никто и не знал ничего про маленькую, находящуюся где-то на Кавказе Чечню. Конечно, все слышали про ЛКН – лиц кавказской национальности, творивших беспредел в Москве – но в Туле было все тихо... да и не тот город Тула, чтобы сюда приехать и правила свои устанавливать. Кажется, по телевизору было пару раз, что там президентом Дудаев, и он что-то сильно воду мутит. Да – кто сейчас не мутит... сейчас вообще времена мутные...

Ближе к осени – началась какая-то непонятная активность. Они так то часть постоянной готовности, им при любых раскладах что-то на учения выделяли – но тут нашлась и соляра

и патроны на учения даже полкового уровня. Приезжали высокие чины, шел слух о том, что их дивизию – целиком отправляют в бывшую Югославию, миротворить. Говорил это, делая многозначительные паузы в разговоре капитан Сиваш, у которого какая-то лапа наверху была... правда или нет, никто не знал – но если так, то это очень даже неплохо. Миротворить – значит, и командировочные и оклад в валюте, а если учесть, что платит ООН – получается очень неплохо. В полку много бесквартирных, живут в ДОСах¹ – мрак, короче.

Правда, были и другие предположения, более мрачные – высказывал их капитан Сафиуллин. Всего год назад Ельцин расстрелял из танков Верховный совет, а в декабре – на выборах опять победили коммунисты. Так что могло быть и так, что готовится второй акт Мерлезонского балета – с участием ВДВ.

Но вместо этого – их собрали, зачитали указ президента о восстановлении конституционного порядка в Чечне, посадили на самолет – и вскоре они уже были во Владикавказе.

А там – бардак был чуть менее чем полный. Ни нормального командования, ни снабжения. Патронов получили меньше, чем БК. Бронетехника – у них то своя, а вот у мазуты собранная с миру по нитке, старая. Большинство мехводов – имели наезд что-то около десяти часов. Вскоре после начала операции – сменили командующего...

Проблемы – начались почти сразу.

Граница между Россией и Кавказом понятна была сразу. Как только они пересекли эту невидимую черту – колонны начали блокировать. Женщины, в платках, черные как вороны, старики, пацанва. Лезли буквально под колеса, под гусеницы, цеплялись за бронетехнику, пытались кого-то стащить с брони.

Такое ощущение, что они были в чужой стране.

Что делать в таких случаях – им не довели. Говорили, что с ними пойдут Внутренние войска – но почему то их не было. Сначала они останавливались... в сопровождении у них была местная милиция – но когда подступала толпа, они в лучшем случае уговаривали отойти. Их можно было понять – им еще было здесь жить...

Потом – уже начали откровенно вырывать оружие, резать тормозные шланги, пытаться ударить ножом. Приходилось стрелять в воздух.

Им ничего не сообщали – куда они идут, зачем. Они просто шли вперед – прорывая линии на карте, которые в какой-то миг стали настоящими границами. Только никто не знал – в какой именно миг...

Они видели Грозный с того места, на котором встали – в чистом поле. Город – виднелся на горизонте серой, изломанной линией – и вообще все краски этой зимы исчерпывались разными оттенками серого – серо-бурая грязь под ногами, серые от грязи и усталости люди, серый брезент палаток, серая броня, серые дороги и серый город, до которого они все-таки дошли...

И который ждал их.

Капельница.

К понятию «капельница» прилагается чистая постель, уколы в ж..., или куда назначат и красивые медсестрички – но здесь ничего этого не было. Все это – осталось где-то там, в мирной жизни.

Капельница – это выпрошенная у медиков использованная «система», в которой вместо лекарства – слитая с БМД соляра. Соляра – капает капля за каплей на чадно горящий кирпич. Который хоть как-то греет палатку на шестьдесят душ, установленную менее чем в десяти километрах от центра Грозного...

¹ Дом офицерского состава. (Здесь и далее прим. автора).

Странно... было тридцать первое декабря, и они еще не вошли в город – но они точно знали, что они на войне.

А про то, что новый год – они почти забыли. Если бы не Динамо – он надыбал спирта с шипучкой и теперь у них было шампанское...

Одна сиська на полтинник человек.

– Чо, на штурм идем? А, Васюра?

Васюра, как самый грамотный среди них – ошивался при штабе, и потому знал больше, чем остальные.

– Не, мы в резерве.

– Точно?

– Точняк, если и будем заходить, то вторым эшелоном, после всех.

– Ну... за резерв – провозгласил Динамо.

Он был самый неунывающий из всех...

Ночью, несмотря на выпитое (да и чего там выпили то... смех один) – уснуть так и не удалось. Да и как там уснешь, когда кровать – пропитана водой насквозь, и все пропитано водой, и в баню уже три недели не ходили...

Заснуть можно было только если намахаться за день...

Его пробудили... даже не звуки какие-то... а далекое сотрясение земли... так это здесь ощущалось. Какая-то вибрация в воздухе. Он какое-то время лежал... потом понял – нет, надо вставать. В таком месте как это – можно пребывать только в полной отключке...

Грязные, полупудовые буцалы стояли, где он их и оставил: у кровати. Бурча под нос, он натянул их, закинул на плечи бушлат. Спали не раздеваясь, иначе было нельзя... только укрывались бушлатом. В углу – дежурный скрючился у капельницы... на какой-то момент подумалось, что он спит... но нет, пошевелился. Сырым, ни теплым и не холодным воздухом – была наполнена вся палатка – воздух можно было пить, так он был насыщен сыростью...

Он откинул полог палатки, вышел. Ничего не изменилось – их маленькое, принесенное сюда издалека брезентовое царство – по-прежнему утопало в сырой, непролазной грязи. И только на горизонте полыхали зарницы, да вибрация... это расположенная невдалеке гаубичная батарея залпами била по городу...

– А ведь серьезно зарубились...

Он ступил в сторону. Динамо тоже не спал.

– Будешь?

– Не.

– Напрасно. Мальборо...

– Где взял?

– Где взял там уже нет...

В этом был весь Динамо... если у него были сигареты – то Мальборо, если телки – то Шэрон Стоун, не меньше. Они были полными противоположностями... Динамо пил жизнь полными глотками, а он...

Вот нахрена ему вздумалось бросать курить? Потому что это правильно... твою мать.

– Думаешь, завтра пойдем?

– Наверняка...

Динамо хлопнул его по плечу. Они всегда были вместе... еще с Рязани... в Рязани в одиночку не выжить. Даже кличка его Брат – была в какой-то степени производной. Есть Динамо, а вот Саня – это его Брат. Брат Динамо...

И все и всегда было так

Утром – пошли раненые...

Динамо – пошел в госпиталь... то ли выменивать спирт, то ли сестрички там были... и он конечно же – тоже пошел. И вот там – они увидели ряды носилок... их было так много, что они не помещались в палатках, и стояли прямо на улицах. А медперсонал – метался вокруг них, пытаясь помочь хоть кому-то.

А кому-то – уже и не пытались помочь.

Все планы ченча были благополучно похерены – и они повернули назад. Шли молча, каждый переваривая в себе то, что увидел. И уже на подходе к их... десантной улице, Динамо вдруг выпалил:

– Братан... ты же брат мне?

– Ну...

– Слушай... если там... ну, короче, если оторвет что-то там... или совсем плохой буду... ты меня таким не оставляй, лады? Мне калекой жить не охота.

– Братан... о...л?!

– Мне калекой жить не охота... – как заведенный повторил Динамо

И вдруг – рванул его за замызганный рукав

– Брат. И еще. Если я... не вернусь, короче – ты о Надьке... позаботься там, ладно. Пацан совсем мелкий, а ей одной...

В этом был весь Динамо – как осколком бутылки по сердцу... и ведь не заметил, он в этот момент был совершенно искренен, как и всегда.

– Обещай мне, брат.

Он вырвал руку

– Пошел в ж...!

Он так и не смог этого забыть. Пытаясь выбить клин клином – уже будучи сотрудником ФСБ он искал, говорил, встречался с людьми, копался в архивах. Все пытался понять – что же произошло в ту проклятую новогоднюю ночь...

В самом начале декабря – сконцентрированная на трех направлениях, моздокском, владостокском и кизлярском направлениях группировка – получила задачу начать движение в район Грозного. При этом – так спешили, что операции не дали даже названия. Командовал – лично Грачев, министр обороны.

По плану – достичь столицы Чечни, ставшей теперь Ичкерией – планировалось за десять дней, фактически на это затратили шестнадцать. Причин было две. Первая – декабрьская Чечня, это температура около нуля, периодически тут же тающий снег и грязное глиняное месиво, способное остановить даже гусеничную технику. Вторая – местное население. Вопреки расчетам – оно совсем не было радо видеть русских. и не только в Чечне, но и в соседних республиках. На всех направлениях выдвижения – создавались пикеты, вперед ставились женщины, дети, старики, за их спинами – мужики, часто с холодным, а то и огнестрельным оружием. Колонны блокировались, буквально бросаясь под колеса, дальше – пытались вывести из строя ходовую, заливали краской триплексы. Были случаи разоружения – солдаты просто не могли стрелять в безоружных, да и приказа такого не было. Морально-психологическое состояние частей уже на окраинах Грозного было тяжелым, ни солдаты ни офицеры не были готовы к такому.

Истинную численность боевиков в городке разведка так же не смогла установить – считали около пяти тысяч, на самом деле, их оказалось больше втрое. Как потом установили – считали из расчета кадровых частей, но незадолго до итурма – дудаевцы раздавали оружие с грузовиков всем, желающим защищать свободную Ичкерию и еще подошли несколько тысяч с гор, почти все – отслужившие в армии, комсостав – в большинстве прошедший Афган. Так – пять тысяч превратилось в пятнадцать.

Первоначально – выдвижение в город планировали на пятое число, но Грачев волевым решением передвинул на ночь на первое. Выдвигающимся первым – заранее раздали подарки и ценные награды. Никакой задачи кроме «достичь таких то рубежей» поставлено не было, после достижения рубежей ничего не оставалось, как стоять и ждать. Как он потом узнал уже в ФСБ – или переговоры с Гантамировым и другими представителями чеченской оппозиции Дудаеву о формировании временного правительства – но на 31 декабря они не закончились ничем и армия действовала в отрыве от планов ФСБ, Расчета на бой вообще не было – планировалось, что следом зайдут внутренние войска и начнется зачистка города и изъятие оружия. Но и этих планов – толком отработано не было. Из-за спешки – не было проведено боевого слаживания, все части были сводные, многие видели своих командиров в первый раз.

Были сформированы четыре группировки – север, северо-восток, запад и восток. Каждой – замечен путь захода в город и расчетные рубежи, которые они должны были достичь.

Наибольшего успеха – первоначально достигла северная группировка – та самая, которой они потом пошли на выручку. В отличие от трех других группировок – их движение не удалось остановить никем и ничем и они, еще тридцать первого – вышли в центр города. По свидетельствам уцелевших – фактор внезапности был использован полностью, чеченцы ничего не знали и не готовились, танки и БМП – шли по улицам рядом с грузовиками и легковушками. Колонна восемьдесят первого полка – проследовала мимо президентского дворца (того самого, что потом кровью будут брать еще почти месяц), и вышла к своей цели – железнодорожному вокзалу. Там и остановились, не зная, что делать дальше. При этом – карт местности не было, а задачи на занятие окружающих зданий командир не поставил – планировалось обойтись минимальным ущербом. Техника сгрудилась перед вокзалом, большая часть военнослужащих – оказалась внутри вокзала, не зная, что делать.

Действующие в этом же направлении силы генерала Рохлина (северо-восток) так же задачу выполнили – с минимальными потерями они почти достигли здания Совмина, остановившись только перед комплексом зданий Института нефти и газа.

При этом – штабу так же не было до них дела – потому что две другие группировки задачи не выполнили. Группа Восток сумела выйти к Сунже и захватить мосты – но дальше была остановлена завалами и огнем РПГ и стрелкового оружия. При этом, в зоне действий Востока произошла настоящая трагедия – два Су-25 из-за низкого уровня взаимодействия и целеуказания – накрыла бомбо-штурмовым ударом батальон 104 ВДД. Потери составили пятьдесят человек убитыми и ранеными, а сама бомбежка – произвела столь тяжелое впечатление, что вся группировка была фактически выключена из активных действий до второго января, позволяя боевикам громить другие направления.

Группировка Запад, под командованием Петрука – действовала более успешно, чем Восточные – ее силы вступили в бой в районе Андреевской долины, приданные им десантники закрепились в районе молокозавода. Но потом – владикавказский, 693 полк был остановлен превосходящими силами противника и отрезан от основных сил в районе парка Ленина. На заданные рубежи – группировка не вышла.

Получив информацию о том, что группа Север достигла успеха, но вступила в бой в районе железнодорожного вокзала и нуждается в подкреплении – командование бросило им на помощь сто тридцать первую майкопскую бригаду – точнее, сводное соединение численностью примерно 450 человек под командованием полковника Ивана Савина. Группировка попала под обстрел еще на маршруте выдвижения – но все же достигла вокзала и так же встала. Видя, что группировки Запад и Восток надежно встали – дудаевское командование перебросило в район вокзала более тысячи отборных боевиков, в том числе Президентскую гвардию и Абхазский батальон. Началось то, что потом – назовут трагедией Майкопской бригады...

– По машинам!

Выдвигались сводной колонной – колесная техника стояла в одной колонне с гусеничной, танки – с БМД, не давая ни одной из частей колонны реализовать свои лучшие качества. Например БМД отвратительно защищена – но при этом она миниатюрна, проходима и настолько маневренна, что попасть в нее из РПГ очень непростая задача – а если учесть и ее тридцатимиллиметровую пушку, с большим углом возвышения и пробивающую любые стены...

Но их всех поставили в одну колонну, и это само по себе говорило о многом – командование затыкало дыры, бросая в бой всех, кто был под рукой. И заходить они должны были по той же дороге – той самой, на которой разметелили сначала восемьдесят первый полк, а потом и сто тридцать первую бригаду. Почему так? А потому, что другой дороги командование просто не знало – имевшиеся в наличии карты Грозного были выпуска начала семидесятых, с тех пор город был кардинально перестроен, появились целые новые районы. Проводников тоже не было – была антидудаевская оппозиция, но почему то проводников от нее не требовали, возможно – потому что не были уверены, антидудаевская это оппозиция или какая еще. Как потом оказалось – некоторые вошедшие в город подразделения самостоятельно находили проводников из числа немногочисленных остающихся в городе русских или сочувствующих чеченцев (а были и такие). Нашедшие хорошего проводника – воевали почти без потерь...

Их БМДшка шла третья в колонне – за командирской, а первым шел танк, обдавая их всех густым, соляным выхлопом. Двигались медленно – но легкие БМДшки то и дело кидало по все стороны на неровностях. Держались кто на чем.

У них хотя бы были бронежилеты. В пехоте – часто не было и их. Хотя... какие это броники, АКМ только так лупит.

– Уходим с трассы – прошло в шлемофонах.

Танк, а за ним одна за другой и БМДшки – рухнули с насыпи, выправились. Впереди, в пожарах и дымах был Грозный, застройка по которой они шли была хуже нету – частный сектор, перемежающийся со старыми хрущобами. И заборы. Везде заборы, да не деревянные – бетон, где и кирпич. На Кавказе, как и на всем Востоке – забор строят पहले дома...

Танк так и пер вперед, даже не развернув пушку – и они перли вперед за ним... они то думали что танк есть танк. И больше всего они опасались полететь под гусеницы боевой машины... это уже потом научатся – стволы елочкой, развернутая минометная или гаубичная батарея в паре километров, заранее распределенные сектора огня у бойцов на броне.

Тогда же не умели ничего.

– Внимание, справа!

Это была первая броня, которую они видели в Грозном. БМП-1, непонятно даже что с ней было – стояла с раскрытыми люками и свернутой набок пушкой. Скорее всего, она просто сломалась...

Какой-то пацан – сорвался от БМП и побежал... в него никто не стал стрелять.

– Внимательнее, внимательнее...

Когда середина колонны поравнялась с брошенной БМП – она вдруг вздыбилась столбом дыма и огня. Одновременно с этим – комок огня полетел с крыши четырехэтажки в танк... и танк остановился – а потом чудовищная сила разорвала его изнутри, подбросив башню на добрый десяток метров.

И – со всех сторон засверкали вспышки...

– Давай!

Брат – сошвырнул Динамо с брони за секунду до того, как с противоположной стороны в бок БМДшки – врезалась реактивная граната...

– Не стреляй!

Пригибаясь, они побежали в единственном доступном для них направлении – в сторону застройки.

За их спинами – гибла расстреливаемая шквальным огнем ичкерийского Мусбата их колонна...

Быстро темнело. Разгромленную нитку уже не было видно – они оторвались, отползли по канаве. Канавы спасла их – они ползли по ней метров сто, прежде чем решили выбраться – ползли по грязному, жидкому месиву, по каким-то обломкам. Когда они вышли из поля зрения боевиков – маханули через наполовину поваленный забор в какую-то лесополосу.

И ушли...

Двое. Два автомата, по четыре запасных магазина, ну и патроны в пачках – сотни по две. По две гранаты...

Всё...

Брат – отцепил магазин от автомата, достал верхние патроны, облизал их (от грязи), обратно вставил в магазин, щелкнул затвором. Динамо – подобрал покотившийся патрон...

– Бери... – Брат подмигнул – мало ли...

– Теперь чо?

– Пошли. Надо добраться до вокзала.

– Ты охренел? Нитку забили, мы не пройдем.

– Пройдем... мы то, как раз и пройдем... они на колонны охотятся. Нас они не заметят...

И вправду – не заметили...

Ночной Грозный второго января девяносто пятого – это стылый мрак, проносающиеся без фар машины – да тени в темноте, старающиеся избежать друг друга. Большая часть теней – и вовсе не боевики, это мирные жители, выбравшиеся потемну проверить, что с домом, поискать еды, просто узнать, что происходит. Каждая такая вылазка смертельно опасна – в городе полно вооруженных людей, в том числе военных с разбитых колонн – их товарищи погибли, а они никак не могут выбраться из этого, заколдованного злым колдовством города. Понятно, что у выживших – палец на спуске и стреляют они на любой шорох.

Нельзя сказать, что нельзя пройти... но из-за любого поворота, от любого дома могут окликнуть, и если не знаешь чеченского – покойник...

Они шли пешком, останавливались, присматривались – и снова шли. Бой гремел где-то левее... они шли туда. Придерживались улицы... просто потому, что в любом дворе можно было так и остаться. Время от времени по улице на большой скорости проносились машины, в основном легковушки. Последними были две шестерки, крышки багажников были сняты, в багажниках, спиной к ходу движения – сидели боевики.

Техники попадалось все больше и больше. В основном БМПшки – недостаточно защищенные, особенно от огня сверху и не способные вести огонь с большим углом возвышения – они становились легкой добычей дудаевских гранатометчиков. Выскакивающие их горячей техники бойцы попадали либо в плен, либо под шквальный огонь со всех сторон – и так и оставались на грозненских улицах навсегда. В темноте – то тут, то там злобно рычали и огрызались собаки. Но не бросались – еды им хватало...

Вокзал появился внезапно... площади как таковой перед вокзалом и не было – просто уширение улицы, посреди него – забор... там дальше, в темноте угадывался тяжелый кран... кажется, тут что-то строили до того, как началась война. Все здания в том числе и вокзал – выгорели дотла, крыш нигде нет – все разбито артиллерией. На входе на площадь – две сгоревшие БМП, стоят нос к носу. Ни наших, ни духов не видно – первые уже вышли или были полностью разбиты, у вторых – не было ни сил ни смысла занимать опустевшую площадь с разбитыми зданиями на ней. Пожаров тоже не было – все что могло сгореть, сгорело...

Молча – они понимали, что любое слово по-русски может стать началом конца – прикрывая друг друга, они перебрались к зданию вокзала. Само здание изнутри выгорело дотла, но его разбила не артиллерия – а десятки попаданий гранатометов...

На путях – картина открывалась еще более жуткая... там почему-то видно было лучше несмотря на ночь... Искореженные пути, отброшенные взрывами вагоны... одна цистерна стояла, поставленная на попу, другая – была разорвана пополам. Нельзя было ступить, чтобы не напороться на осколок или обломок чего-то. Скорее всего, после того как наши ушли отсюда – артиллерия, до этого ставившая огневую завесу, перенесла огонь на сам вокзал и его окрестности и била, пока тут ничего живого не осталось...

Ловить здесь было нечего. Вдали – что-то протяжно грохнуло – и они без слов приняли решение: идти на звуки боя. Там, где воюют – там наши.

Динамо потянул Брата за рукав, показал на сам вокзал – зайти, посмотреть, нельзя ли там чем разжиться.

Но внутри ничего не было. Только гильзы – их было так много, что они в некоторых местах лежали сплошным ковром.

Выбрались на площадь, и только хотели уходить – как раздался рокот дизеля... не Урал, но что-то серьезное. Сверкнули – и тут же погасли фары...

Со стороны незаконченной стройки тоже обозначилось движение... их могли покосить очередями в упор. Они только что прошли по лезвию бритвы...

Замерев у стылого бетона – они вслушивались в каждое движение за забором...

– Мух ду обстановк?

– Шадерик то'ар долш ду.²

Рука Брата – сама собой потянулась к гранате. Палец – выдернул кольцо «эфки». За забор... вот так...

– Ай, граната! – крикнул кто-то по-русски

Глухой, трескучий взрыв разорвал ночь.

– Дурак! – Брат рванул его за бушлат, и они, оскальзываясь в грязи, побежали прочь. Вслед – ударили очереди...

Истинный масштаб постигшей нас катастрофы стал понятен только утром второго января нового 1995 года.

Группировки Юг и Восток – остановлены, не достигнув цели и не продвигаются вперед. Группировки Север и Северо-Восток сражаются в окружении, неся тяжелейшие потери. В майкопской бригаде – к этому времени из четырехсот сорока человек личного состава погибло сто восемьдесят, потеряно четыре пятых техники. У восьмидесятой первой – потери не меньшие. Как потом узнают – на этом направлении боевики сосредоточили три с половиной тысячи боевиков. Командование других группировок – не хотело, а наверное – уже и не могло наступать, чтобы облегчить положение Севера.

Командование пыталось помочь, направив на деблокирование сначала десантников, потом танки. И те и другие – откатились с тяжелыми потерями. Только второго числа часть заблокированных на вокзале – удалось вывести отряду спецназа ГРУ, при этом большая часть отряда и его командир – погибли.

Другая группа, в составе которой был и комбриг, полковник Савин – приняла решение прорываться в другом направлении. При прорыве – техника была подбита, остатки группы – пытались вывезти полковника, к тому времени тяжело раненого на трофейном автомобиле, но не смогли. Полковник Савин и все кто с ним прорывался – или погибли, или попали в плен.

² Как обстановка? – Все нормально (чеченск).

Стало понятно, что план полностью провалился, и итурм надо начинать фактически с нуля. Полностью – город возьмут только к марту...

Настал рассвет – точнее, то, что тут на называлось рассветом. Просто стало светлеть – но солнце так и не вышло, серая пелена туч низко висела над городом, в некоторых местах поддерживаемая черными столбами пожарищ. При свете того, что тут назвалось утром – в полной мере становилась видна та картина разрушений, которые были в городе. Большая часть зданий в центре, особенно старых – либо выгорела изнутри в пожарах, которые никто не тушил, либо была разбита огнем артиллерии. Ни проезжей части, ни тротуара, ни деревьев – тоже не было, проезжая часть представляла собой сплошное разбитое месиво, подступающее прямо к домам, а деревья превратились в уродливые, апокалиптические скульптуры. Город выглядел так, как будто по нему – с полгода назад был нанесен ядерный удар со всеми вытекающими...

Время от времени – по улицам перебежали люди, кто в форме, кто в гражданском. Типичный прикид боевика – такой же ватник, как у федерала плюс синяя или красная шапочка – петушок. Ну и... укладка выстрелов к РПГ-7 за спиной. Бабы и старухи – обычно были с санками... они тоже пытались бежать, но получалось чаще всего плохо. Многие были русскими – чеченцы перед тем как все началось, в основном отправили свои семьи в горы, к родственникам. У всех остальных, кто еще жил в этом городе – родственников в горах не было и уходить им тоже было некуда.

Динамо с Братом не знали, что чеченцы – соблюдают намаз, и потому во время намаза по улицам можно передвигаться относительно безопасно. Они шли на звуки боя – и сейчас, лежа за углом какого-то здания, ждали момента, когда им можно будет сделать рывок и перебежать улицу. Мешали боевики – это, кстати, были первые боевики, которых они видели вживую. Они прятались спиной к ним в развалинах дома, их было трое. У двоих – РПГ-7, укладки за спиной, сидели на корточках. Один выглядывал из-за угла разбитой стены. Их без проблем можно было бы расстрелять из автоматов – но они там были не единственные, и оставшиеся уничтожили бы их.

Потом боевики ушли из поля видимости, все трое – и они решились на рывок. Бросились через улицу... застрочил пулемет, но они успели.

– А... с...а.

– Ничего... пришли почти.

Динамо обернулся и увидел, как Брат морщится от боли.

– Зацепило?

– Не...

– Давай, перевязать надо...

Привлеченные стрельбой чеченцы могли появиться в любой момент. Динамо достал перевязочный пакет, надорвал упаковку... что-то твердое ткнуло его в спину.

– Руки... тихо.

– Значит, с пятьдесят первого полка, говорите. С Тулы...

...

Жесткий пинок в спину

– Когда я спрашиваю, я рассчитываю на ответ, ясно?

Спрашивающий – был среднего роста, грязен, усат... кажется, еще и лыс. Из-под какого-то подобия капюшона – зло посверкивали глаза.

– Так точно.

– Командир кто?

...

Новый пинок

– А кто спрашивает? – зло сказал Брат, которого так пока не перевязали.

– Хороший вопрос. Военную тайну боишься выдать, а?

Смешок за спиной

– Документы у вас. Что вам надо?

– Мне? Да ничего. В принципе, мне вас кончить и здесь оставить – нет проблем. А документы – да не вопрос... на улицах этих документов столько валяется... вместе с их законными владельцами. А так случаи уже были. Хохлы хорошо умеют за наших прикидываться – форма наша, документы раздобыть...

– Мы духов видели... – сказал Динамо.

– Удивил, сынок.

– С той стороны улицы. У них позиция в развалинах. Если кончим их – поверите?

Офицер – явно развед-диверсионной группы – цокнул языком.

– Давай, попробуем...

После намаза – духи вернулись на свои позиции, поджидать шальной танк и БМПшку – не зная, что все, что им предназначено сделать Аллахом на этом свете – ими уже сделано. Шквальный огонь – длинные очереди бьют по развалинам, кромсают тела. И – обратно, назад – за спасительную четырехэтажку...

Генерал-майор Лев Яковлевич Рохлин, командующий группой Север – сидел за столом в каком-то подвале. Стол был ободраный, видимо откуда-то сверху принесли, на нем был планшет, какие-то карты, просто бумаги с пометками, чайник. Генерал пил чай из алюминиевой кружки, пил без аппетита, одновременно что-то читая. Лицо генерала было серым от усталости, он был одет так же, как его люди – в испачканный мазутом ватник без знаков различия. Брату бросились в глаза очки генерала – круглые, дешевые, с разбитым стеклом и замотанные изолентой.

– Товарищ генерал... – гвардии майор Шаров выступил вперед – вот эти двое с десантуры, отбили от колонны. Про их словам полгорода прошли, вышли на наши позиции. Разрешите принять?

Генерал подслеповато глянул на них.

– Какая колонна, сто тридцать первого?

– Никак нет, товарищ генерал – ответил Динамо – мы с Тулы. Пятьдесят первый полк.

– Когда заходили?

– Третьего, товарищ генерал.

– А где сама колонна?

– Сгорела...

Рохлин снова отхлебнул чая

– Решай сам. Тебе с ними работать.

– Значит так...

...

– Веры вам по-прежнему мало, прямо скажем, шлятся здесь всякие. Но и братана своего бросать... дело последнее.

Майор осмотрел своих людей.

– Твой товарищ пока тут полежит, оклемается – благо ранен он несильно. А ты с нами – проводником походишь. Мы посмотрим, увидим, что доверять можно – дадим оружие. Пока еще бэ-ка будешь носить. Уговор?

– А что, есть выбор?

Шаров зло оскалился

- Это верно, выбора у тебя нет. Про ВУС-то кто?
- На снайпера учился.
- Ну, вот. Снайпер нам нужен. В твоём и нашем интересе чтобы испытательный срок завершился как можно быстрее...

Шесть лет спустя. 04 января 2000 года. Между первым и вторым кольцом обороны г. Грозного. Временная база 45 полка ВДВ

Ночью резко похолодало. И это было скорее хорошо, чем плохо...

Еще вчера – было около нуля... проклятая чеченская зима с ее низкими туманами, облачностью, не дающей работать авиации и глиняной грязью, которая была везде и всюду – на дорогах, в палатках, в местах расположения. Эта глиняная грязь – почти не счищалась, засасывала подчас даже танки и всепроходимые Уралы, липла на все – на палатки, на обмундирование, на траки – и не давала идти вперед. Казалось, сама земля – воевала с ними...

Но ночью – распутица схватилась морозом, и теперь – можно было передвигаться относительно легко...

Во дворе взятой только вчера пятиэтажки – солдаты жгли пустые снарядные ящики, готовили нехитрый «хавчик». На него они и внимания не обратили... правильно, такой же чувырла в ватнике и грязных резиновых сапогах – только они и позволяли хоть как то сохранить в тепле и сухости ноги. Солдаты были незнакомые, ни он их не знал, ни они его. Понятно, что знаков различия не было – здесь их никто не носил. Полковники и даже генералы – выглядели как рядовые... конечно те, кто были на передовой, в боевых порядках своих частей, а не отсиживались в Ханкале или во Владике³...

Нужный ему подъезд – второй, а третьего – нет, вместо подъезда – груда развалин, словно великан размахнулся – и хватил со всей молодецкой удали старенькую пятиэтажку, распахав ее пополам. Скорее всего – прямое попадание авиабомбы или мины с крупного миномета. Но не с Тюльпана – Тюльпан обрушил бы как минимум половину здания.⁴

Привычным глазом, он заметил оборудованную на пятом снайперскую позицию, но был ли там снайпер – этого он не понял. Скорее всего, нет, все отсыпается...

У подъезда – краской был знак, он толкнул дверь – и наткнулся на короткоствольный автомат.

– Э... э... Владик на сегодня.

– Здравия желаю, товарищ майор.

Его тут еще помнили...

Он прошел на первый этаж – но вместо того, чтобы подниматься по узкой, засыпанной цементной пылью и битым стеклом лестнице – спустился вниз, в подвал. Там было тепло – и он с наслаждением почувствовал, как отходит прихваченное морозцем лицо.

Тут же стоял стол, он предъявил удостоверение – и прошел дальше...

Подвал – был таким же, как в его лихом, пацанском детстве, когда они постигали первые уроки взрослой жизни в таком вот подвале. Такие же трубы, низкие потолки, перекрытия. Где надо пригибать голову, чтобы не удариться лбом. Так же – со всей округи подвал стащили все, что может пригодиться – картон, фанеру, скамейки, все что отдаленно напоминало мебель. Где-то за стеной – солидно пыхтит «дырчик»⁵, от него – кинуто освещение и питание для связи и техники...

То тут, то там – спят люди, вернувшиеся после ночного рейда. Автоматы – сложены под рукой, у кого и на груди. Многих – он знал лично. Спят чутко... с виду спят, но если что –

³ Владикавказ

⁴ Тюльпан – самоходный миномет Резерва главного командования, калибр 240 мм. Может обрушить целый подъезд девятиэтажки.

⁵ Дизель-генератор

через минуту будут в строю. И каждый – знает и сектор обстрела и эвакуационный выход. Вон, еще один – пробитый пол, лестница...

Место командира – выделялось лишь тем, что там был стол, на столе – лампа. Он подошел, коротко сказал

– Здравия желаю...

Командир развернулся – он разглядывал что-то на стене, где в беспорядке было повешено всякое.

– Буй?

– Салам, Саня...

Они шагнули навстречу друг другу, крепко, до хруста костей обнялись...

– Как вы тут?

Буй... вообще-то Буйвол, или майор Валентин Сергиенко, спецназ ВДВ (сорок пятый полк) – откусил от Сникерса, начал жевать. Обертками от Сникерсов тут было все закидано – этим же питались и боевики...

– Да как... нас е..., а мы мужаем.

– Как всегда...

Помолчали

– Ты как?

– Норм.

– С разведкой – еще не разучился ходить?

– Обижаешь...

– Я не просто так спрашиваю.

– Шеф – большой охотник... считай, каждые выходные в заказнике.

– Понятно...

Шеф – или генерал-майор госбезопасности Евгений Гришин – на сегодняшний день был заместителем начальника КТЦ – контртеррористического центра. Учитывая тот факт, что после окончания активной фазы боевых действий командование, а вместе с ним и должность начальника перейдут от армии к ФСБ...

– Я тебя чего высвистал то... есть темка.

– Какая?

– Абу Саед.

Взгляд пришедшего потяжелел

– Подробнее?

– Вчера... точнее, сегодня уже – группа вернулась. Притащили с собой одного упырька из местных. Тот жить захотел... подставился, да подставился глупо. Сказал, что в районе мин-нефти есть точка, там – штаб-квартира какого-то фонда... арабского какого-то. Еще до войны там сидели, дела делали – наркота, контрабас, все дела. Сейчас там человек сорок – арабы, негры, русские. Чеченцев нет. Ждут коридора, у них договоренности с кем-то из наших. Он был переводчиком у них – арабы чеченский не знают. Платили двести долларов в месяц, причем не подделками – по чеченским меркам неплохо. По его словам – это амир со своей свитой, до войны они то и дело встречались с местными авторитетами, даже в президентский дворец ездили. Амир свободно владеет русским языком. Судя по описанию – Абу Саед.

– Это точно? Я хочу с ним поговорить.

– Тормози. Пленного уже в Ханкалу отправили с оказией. Абу Саед – не Абу Саед, по описанию похож, а там... кем бы он ни был – судя по всему, матерый зверюга, если при нем сорок человек личный джамаат.

– А если свист?

– Может, и свист. В любом случае – сходить, посмотреть надо, а там – по обстановке. Я помню, ты – кровник Абу Саеда. Не хочешь, не иди.

Гость раздумывал недолго.

– Ствол есть?

– Хоть два, на выбор. Чего-чего, а этого у нас в достатке...

– Попрыгали.

Гость – стоял в коротком строю разведчиков ВДВ, построенном под низким потолком подвального этажа. Он был одет, как и все бесформенный ватник, штаны, сапоги (тепло, и так грязно, что в городе лучшей маскировки нет), и держал трофейный АКМ с подствольником ГП-25. Спецназовцы были вооружены разномастно, на группу из двенадцати человек – было два ПКМ. У командира и еще одного стрелка были Валы – для армии роскошно, плюс – некоторые из спецназовцев несли за спиной РПО Шмель. В городском бою – лучше Шмеля нет, после Шмеля выживших не остается. Любую огневую точку на любой разумной для города дальности – давит с гарантией.

В целом – группа была больше похожа на штурмовую, нежели на разведывательную – но иначе в Грозном было не выжить.

Темнело...

– Итак, задача на сегодня...

Буй привычно, в знакомых формулировках – довел до группы боевую задачу на сегодня, правила опознания, основные и запасные частоты связи. В группе был радист, он нес стандартную армейскую рацию с Историком – но почти у всех спецназовцев были с собой и сотовые. Несмотря на штурм – сотовая связь работала почти везде...

Еще пять лет назад – он стоял в одном строю с некоторыми из тех, кто стоял в строю сейчас... других уже не было, другие – погибли. Но сейчас многое изменилось... из армии он ушел в ФСБ, получил там два внеочередных звания – и теперь он майор госбезопасности – то есть равен по званию Бую. Это официально – неофициально звания ГБ считались выше еще со сталинских времен, так что на армейские деньги – он можно сказать, полковник. Но сейчас – это не имело никакого значения.

Выслушав командира, группа направилась на выход, он шел ближе к концу – в одинаковой, безликой цепочке. Командир группы, капитан с позывным Гусь – вышел из строя, пропустил кого-то вперед, стал рядом с ним.

– Кто командир группы? – негромко, но резко спросил он

– Ты – ответил гость – да не пыли ты. Я не проверять тебя пришел, веришь?

– Лично тебе – верю. Но не более.

– Гусь, алё. Брат на связи...

Это была его старая кличка в группе – были на нее свои основания.

– Значит, так. На рожон не лезешь, раз. Без моей команды не стреляешь – два. Идешь в командирскую подгруппу и держишься от меня не дальше десяти шагов – три.

– Ну, ты меня как пацана уделал, честное слово.

– Брат, я все понимаю, да. Но мне надо, чтобы все вернулись живыми – усёк? Нас и так – тринадцать человек.

...

– Понимаешь?

Гусь сплюнул

– Без дураков...

Ночной Грозный – это совсем не то же самое, что дневной Грозный.

Ночью – из всевозможных нор, из подвалов, из переоборудованной канализации – вылезают на охоту хищники. С обеих сторон. Если день – это перестрелки, гул артиллерии и вой Градов, то ночь – это нож в нож, кулак в кулак. Убивай – или убьют тебя...

Второй Грозный – это совсем не то же самое, что был первый. В первом Грозном – колонна бронетехники, сдуру заплутав и перепутав поворот – проскочила к самому президентскому дворцу – где ее и расстреляли из граников. Никто не ожидал того, что произошло – ни военные, ни чеченцы, ни мирняк. Вошедшие город колонны – за исключением одной достигли расчетных рубежей – после чего встали, не зная, что дальше делать и были расстреляны. У сводной колонны майкопской бригады – техники было больше чем личного состава, у личного состава по одному подsumку – они достигли железнодорожного вокзала, оставили технику перед ним, не зная, что делать – с окрестных пятиэтажек сожгли сначала технику, потом – атаковали солдат, закрепившихся в плохо приспособленном для обороны вокзале. Часть техники – тупо вышла так же, как и зашла... вообще, и масштаб боевых действий и потери в ту ночь потом были сильно преувеличены. Но факт остается фактом – после той ночи город пришлось брать заново. Вошедшие в него части – были или уничтожены или отошли на исходные, ничего не добившись...

Но сейчас – многое не так.

Город – подготовлен в инженерном отношении просто исключительно. Три кольца обороны, готовые блоки и огневые точки – частично наши же, брошенные в 1996 году при отступлении. В центре – сеть подземных ходов. Многие здания – подготовлены к обороне, между подвалами прорыты ходы, в стенах дыры для снайперов. Есть мобильные группы снайперов, минометчики, расчеты ПТУР. Улицы завалены баррикадами, перекопаны канавами, часть зданий – подготовлена к подрыву.

Но и мы сейчас совсем другие.

После того, как в первый день штурма потеряли больше восьмидесяти человек только убитыми – поступила команда прекратить штурм, отойти на исходные. По городу – открыли огонь из всех видов огневого поражения, включая установки резерва Генерального штаба – Тюльпан и Пион. Били две недели. Только после этого – снова пошли в бой, применяя старые, еще времен первой войны наработки. Пехота прикрывается бронетехникой – пехота прикрывает бронетехнику, а бронетехника – прокладывает путь пехоте. Отделению прикрывается танк или БМП. При серьезном сопротивлении никто не геройствует – все откатываются назад и вызывают огонь артиллерии или авиацию.

Но они – спецразведка, у них – особые задачи...

Очередная, повешенная над квадратом люстра⁶ – отгорела, и наступила благословенная темнота...

– Все чисто... прошипел Дикий, он где-то притырился с Валом и будет прикрывать, пока сможет. Потом – стопнуты они и подождут, пока Дикий не займет новую позицию. Рисковать никто не рискует...

– Жаба, вперед...

Тройка Жаб, в которой был сапер и один из пулеметчиков – перебежала дорогу. Они должны были закрепиться дальше и сообщить, можно ли идти дальше.

– Вспышка!

Спецназовцы замерли. В иссиня-черном небе чеченской столицы – вспыхнула очередная осветительная. Они будут ждать, пока она не погаснет – и только потом пойдут вперед. Дело в том, что они сейчас в поле зрения мотострелков. И там есть два танка – а в танках есть приборы ночного видения. И скорее всего, есть дежурный который, увидев движение в развалинах – разбираться не будет, а просто упорет из танковой пушки, да и все. Конечно же – мото-

⁶ Осветительная мина

стрелкам о проходе за линию соприкосновения разведгруппы ничего не сообщили – с тем же успехом можно объявление повесить. Информация утекала, как вода из решета и лучшим способом оставить все в тайне – было держать все при себе. Даже наверх, в штаб – докладывали ложную информацию. Потому – у них было очень немного потерь. А те, что были – в основном были от огня своих...

Такова была правда этой проклятой войны. Правда, которую никто не хотел знать там, в зимней Москве...

– Темно.

– Можно! – раздался голос Дикого

Волчьей цепочкой – они перебежали дорогу, углубившись в развалины и выйдя из зоны видимости блокпоста.

Работа Брата – сейчас была в основном кабинетная – шеф держал его адъютантом, порученцем и мастером на все руки. В основном – он сидел в Подмоскovie, часто выезжали в Москву – он сидел рядом с водителем, потому что водитель у шефа был отдельный. В выходные – они обычно охотились, или шеф приглашал его на дачу. Ирина Васильевна, молодящаяся, сорока с чем-то дама – подкладывала ему на тарелку лучшие куски и вела многозначительные разговоры об Асе – их старшей, которой только что исполнилось восемнадцать. О том, какая она умница, как хорошо выступила – Ася была подающей надежды скрипачкой...

Но ему не нужна была Ася. Были на то причины...

Шеф действительно много охотился, они пропадали по заказникам, Брат там исполнял обязанности кого-то вроде егеря – у него даже винтовка была приобретена за госсчет. Охота – это не разведывход, он опасался, что не справится... но сейчас с каждым шагом – он вспоминал то, чему его учили. Сначала в Рязани, потом в центре особого назначения под Новгородом. Ноги – сами выбирали камень, на который ступить, чтобы нога не соскользнула, и чтобы не нашуметь, глаз – привычно фиксировал опасные направления, укрытия, за которыми можно оказаться за две три секунды, положение того кто перед тобой в колонне и того, кто за тобой. Мозг – привычно фильтровал шумы, то, что удавалось увидеть боковым зрением в поисках мельчайших признаков опасности – и готов был в любой момент дать команду тренированному телу действовать...

Он был среди своих.

Движуха...

Лежа в стылых грозненских развалинах, грея дыханием пальцы – он смотрел на происходящее метрах в ста движение. Там было какое-то здание... солидное, судя по всему построенное при позднем Сталине. Три этажа, и около него – были люди...

Машин не было видно, но это и понятно – легковые машины признак опасности, приманка для летчика, у наших их точно нет, а стоят, если люди – пойдешь, пойми, чьи они – свои, чужие. Все же одинаковые.

Люди – осматривались по сторонам, их было пятеро, у одного что-то серьезное за плечами – как бы и не ПЗРК. Окна здания, около которого они стояли – не горели, но остальные – скорее всего, там, внутри – и правильно, зачем на морозе стоять. Потом один характерным жестом поднял руку, смотрит на часы – ждет кого-то...

– Дикий всем – доложил снайпер – движение на три. Три крытых Урала, прут по улице в нашу сторону. Номеров не вижу...

– Гусь, общий – заныкаться, ждать. Не стрелять...

Уралы прошли мимо, сорвано кашля движками, головной начал заворачивать. Он наблюдал за происходящим через купленный на свои монокуляр. Уралы прошли так близко,

что на уровне второго этажа, где он лежал – можно было почувствовать запах дизельного выхлопа...

Пополнение привезли? Прапора опять боеприпасами со складов торгуют – только не ящиками, а уже Уралами?

С...а.

Первый выходит – с головной машины. Вроде русский – судя по форме Навстречу выходят боевики... обнимаются. Это чеченские или русские машины вообще? Техника то у всех одна и та же и такой бардак, что даже не разберешь, кто есть кто.

Нет... русские машины. Русские. Сто пудов русские...

На их глазах – чеченские боевики схватили двоих водителей из троих, поставили на колени и убили. Причем убили необычно – к каждому подошел сзади боевик и удавил удавкой. Обычно резали горло, но тут...

– Ждать... – полный сдерживаемой злобы голос Гуся – не стрелять, ждать

Разгадка нашлась тут же – двое боевиков начали раздевать задушенных, еще двое – начали раздеваться сами...

Вот, и разгадка. Тот, который первый вышел – скорее всего офицер. Вон, договаривается с одним из бородатых, тот ему чего-то передает. Эти двое – взяты им на один рейс, боевики их убрали. Двое, скорее всего русские – переоденутся в нашу форму и сядут за руль. Офицер в головной машине, скорее всего его, знают на блоках, документы готовы. Так – Абу Саед и выскочит из кольца.

А что – вполне в его духе. Он кстати и сам может сойти за своего – русский выучил еще в Высшей школе КГБ, согласно показаниям тех, кто его видел – говорит на нем почти без акцента. Тогда он воевал на нашей стороне...

Ага... пошла движуха... какие-то мешки носят, и сами в кузов лезут. Абу Саеда не видно... хотя он тертый лис, его от рядового моджахеда не отличить. Сколько же их... он уже двадцать одного духа насчитал.

Двадцать два... двадцать три... двадцать четыре...

– Ждать... ждать, пока нитка⁷ тронется.

Все правильно. Ждать. Только руки вот чешутся.

Тридцать три... тридцать пять...

Ага... закрывает борт... протянули руку...

– Приготовиться...

Сердце – бухает в ушах. Прицел – ловит почти невидимую в темноте тушу Урала...

Вторая машина пошла. Первая уже выворачивает.

– Всем огонь!

Скоропись алых трасс – бьет из развалин, распарывая черноту ночи. Хлопок – и головной Урал вспыхивает как факел от прямого попадания Шмеля, видно, как кто-то вылетает из кузова под колеса второй машины. Вторая машина тоже не жилец – по ней непрерывно бьет ПКМ. Сам Брат – бьет по замыкающей, глаза почти ослепли от вспышек, автомат бьется в руках, как живой.

– Подствольниками – огонь!

Израсходовав по магазину – разведчики, прежде чем перезарядиться – пробивают ВОГами. Да не обычными, а прыгающими – они подскакивают на метр с небольшим, и только тогда разрываются. Осколками – если и не убьет, то порвет точно. Несколько султанчиков разрывов – вздымаются во дворе – хотя убивать, скорее всего, уже некого. Набившиеся в машины

⁷ Колонна

боевики – погибли под шквальным огнем разведчиков. Примерно так же забивали наши колонны – почти без потерь со своей стороны. А теперь – вашим же добром...

– Дикий, движения нет.

– Дикий, паси улицу – командует Гусь – Француз, паси налево со своими. Первая тройка вперед...

Первая тройка разведчиков – перебегает вперед.

– Движения нет.

– Вторая тройка вперед...

Два Урала из трех – горят. Третий, который не успел тронуться – не горит, но весь исхлестан пулями

– Движения нет.

Их очередь...

Вместе с группой управления – Брат поднимается из развалин, не торопясь, но и не медля – перебегает улицу. Пасет направо – как и делал всегда, когда был частью группы, а не просто прикомандированным. Перед стволом автомата – ночной, смертельно опасный Грозный, горящая невдалеке люстра, освещающая развалины серебристым, колышущимся светом...

– Похоже, забили, кэп.

– Не расслабляться. Жаба, досмотри машины. Заяц – посмотри, что в здании. Остальным занять круговую.

Любое здание может огрызнуться огнем – охнуть не успеешь.

Брат – приходит на колено, прикрываясь огрызком того, что когда-то было деревом – жадно шарит по зданию стволом автомата.

Тоненький, выворачивающий душу свист.

– Ложись!

Все падают. Мина разрывается дальше по улице, поднимая фонтан земли. Вторая – шлепается ближе...

– Отставить досмотр, всем в здание. Укрыться, на...

Брат бежит вместе со всеми к зданию, взбегаёт на крыльцо. Мельком замечает голые тела... это наши... очередные из тех, кого предали и хладнокровно разменяли. Забрать бы – да пока не до того...

После того, как заскакиваешь в здание – становится немного спокойнее на душе, хотя спокойствие мнимое. В здании – в самом по себе может быть полно сюрпризов, а при попадании мины – оно может и рухнуть.

– Это те п... ры с блока! Мазута е... ная!⁸ – кто-то не стесняется в выражениях.

– Так, хватить свистеть. Барин, связь со Спутником. Жаба, давайте к окнам. Заяц... посмотри здание, только осторожно.

Не доверяя связистам, капитан набирает номер на сотовом – так быстрее достучишься.

– Я с Зайцем

...

– У меня пистоль есть. И фонарик.

Гусь неохотно кивнул

– Ладно, иди. Осторожнее только...

В Грозном – действует правило – в незнакомое помещение заходит сначала граната, и только потом – ты сам. Но тут это правило не действует – хотя бы потому, что варианты могут

⁸ Пехота.

быть разные. Пожар в здании начнется... может, где-то есть что-то горючее или взрывчатое. Мало ли...

На зачистку лучше идти с пистолетом – и пистолет у него есть: Стечкин. Вместе с фонарем. Так как он охранял шефа – он прошел курс спецподготовки ФСО и умению стрелять из пистолета может поучить любого, в своем полку. Поэтому – он и идет первым... пистолет в правой руке, фонарь в левой... методика ФБР. У нас мало мест, где ее знают и еще меньше инструкторов.

В здании – удивительно чисто, оно совсем не пострадало – если не считать следов того, что кто-то быстро сматывался. На полу – аж ковры...

Дверь справа. Табличка – он машинально прочел – посольство Королевства Саудовская Аравия.

Это ох... ты не встать. Ичкерия – не признана ни одним государством мира, а вот посольство – тут есть. Надо эту табличку снять – пригодится. Хотя... конечно же, отбредутся – мало ли кто что на двери повесил...

– Можно... шепотом говорит сапер.

Пинок по двери – ногой назад, так чтобы самому стоять за бетоном стенки, а не перед дверью. Взрыва нет, он влетает в комнату, луч света скользит по стенам...

– Чисто!

Большая комната – и из нее вход еще в одну. Мебель, обстановка... все больших денег стоит. В стене – настежь открытый сейф, пустой...

– Ни х... себе – выражает общее мнение кто-то

– Так, идем дальше

Они выходят в коридор – и в этот момент в здание врывается ракета РПГ. Пыль... на них падает потолочная плитка...

– Твою мать...

До них доносится грохот автоматов...

– Занимайте позиции, осторожно только – говорит Брат – я вниз...

– Есть...

Внизу – полный бешбармак... кто за чем... через битые стекла летят пули, рикошетят. Разведчики – кто за чем, ведут ответный огонь. Плающие Уралы – освещают площадь...

Гуся он нашел у лестницы.

– Что?! – прорычал он

– Наверху не все посмотрели... но нет там никого. Пацаны оборону занимают.

– Связь... говно... а тут, похоже, серьезная банда подошла... пойти, посмотри, что с тыла. Как бы не обошли.

– Есть...

Фонарь в левой руке, пистолет в правой. Каждый поворот, каждая дверь – может огрызнуться выстрелами, встретить снопом осколков – охнуть не успеешь.

Так... эта дверь куда? Ага, понятно, бывшая столовка... лучше заминировать. Вон, тут какая-то бумага лежит – плотно свернуть в жгут, прижать гранату, хвост жгута прищемить дверью, аккуратно выдернуть чеку. При любой попытке открыть дверь или обезвредить гранату – она взорвется...

Так... что еще. А вот... привалить для верности... только не забыть предупредить...

Так... с другой стороны коридор... тут ничего не сделаешь. Двери нет – или ставить человека на стрем, или просто надеяться, что не зайдут. Или можно... вот эту дверь открыть и сделать ловушку, подсунув гранату с выдернутой чекой – сложно, но можно, тронул дверь – бах. Сюда тоже непросто попасть – вон, решетки на окнах...

А мы еще и сюда – гранатку. Ночью – не видно ни хрена, вот, пусть только попробуют окно открыть...

Здание содрогается от попадания – то ли мина, то ли ракета. Нормально замесились... до утра бы дотянуть.

Так... а это что?

Он потом вспоминал – чем его привлекла эта дверь – в ряду других. С виду ничем... только открыв ее, он понял, что за ней еще одна, решетчатая. А за ней... ход вниз.

В преисподнюю грозненских подземелий...

Оставлять такое у себя за спиной – себе дороже...

Прислушавшись к звукам боя – он посветил по краям дверного проема, чтобы не пропустить такой же сюрприз, какие он сам только что оставил гостям – сюрпризов не было. Толкнул стволом массивную, сваренную в каком-то гараже решетку – и она неожиданно поддалась...

Надо идти.

Тридцать две. Ступенек было тридцать две.

Они вели куда-то вниз, в просвечиваемую только его фонарем сырую тьму – из которой в любой момент могла полоснуть очередь. Заменяв пистолет на автомат, подсвечивая фонарем, он прошел все до единой, ступил на аккуратно выложенный кирпичом пол.

Луч осветил провода, лампочку, потом еще одну – освещение, но выключателя не было. Выключив фонарь, он пошел вперед, доверяя больше своей чуйке... если в темноте кто-то есть, то они будут на равных...

И кому повезет...

Продвинувшись вперед метров на двадцать – он никого не обнаружил, решил заминировать коридор и возвращаться – но тут приклад автомата неожиданно стукнул обо что-то.

Дверь. Дверь, прямо в стене.

Он стукнул по ней – железо отозвалось звуком пустоты. Что там... известно только шайтану. И в одиночку – сюда лучше вообще не соваться...

Он еще раз стукнул по двери, скорее для очистки совести – и... сердце пропустило очередную удар, когда с той стороны – кто-то отозвался...

Борт самолета Ту-154. «Салон» авиации погранвойск ФСБ РФ. 05 января 2000 года. Где-то над центральной Россией

От ВДВ у него осталось умение спать вполглаза и просыпаться, когда это было нужно, по любому признаку опасности. На сей раз – опасность пахла одеколоном Вежеталь и была чревата увольнением «по дискредитации». Но это вряд ли.

Когда шеф сел напротив него – он уже проснулся и смотрел ему в глаза. Точнее, глаза он опустил, чувствуя вину.

– Так... теперь с тобой ... – зло сказал шеф – ты вообще как там оказался, герой?

– Евгений Николаевич...

– Не Евгений Николаевич, а товарищ генерал! Что, молодость вспомнил!? Пионерские костры в ж... не отгорели? Я, б... явно приказал – без моей команды ни шагу! Было!?

– Так точно... – ответил он, смотря в полированную поверхность отделанного карельской березой столика

– Было! – шеф бухнул кулаком по столу – так какого же, твою мать, хрена ты выкаблучиваешься? Висюльку захотел?! Так я тебе и так навешу – хочешь?!

– Товарищ генерал...

– Молчать. Я тебя паразита чему-то научить пытаюсь. Головой, б... думать. Людьми руководить! А не по развалинам рысачить!

...

– Б... Прилетим в Москву – объяснительную на стол!

– Есть.

– На ж... шерсть...

Генерал достал из внутреннего кармана пиджака фляжку – это было признаком того, что гнев заканчивается.

– Рассказывай дубина, все по очереди. И на кого ты там охотился в центре Грозного – так, что пришлось Альфу за вами посылать?

– На Абу Саеда.

Генерал отхлебнул из фляжки

– С чего ты это взял? По нашим данным – он вообще обратно в Афганистан перебрался, работает там с Талибаном.⁹

– Была информация. От пленного. По крайней мере, духи грамотные были, не похожи на лохов.

– Чего же тогда вы этих грамотных...

– Засада. По головному сразу Шмелем врезали, остальные забили из ПК...

– Сколько там было?

– От тридцати до сорока. Тридцать пять... тридцать семь...

Генерал хмыкнул

– И то неплохо. Есть что в сводку вставить. Самого Абу Саеда там видел?

– Никак нет. Машины толком и досмотреть не успели, минометный обстрел начался. Две сгорели... если он там, и был – в головешку превратился.

– Ясно... – генерал задумчиво пожевал губами – ну, а как ты потеряшку нашего нашел?

⁹ Террористическая организация, запрещенная в РФ. Прим. ред.

Окраина Москвы. Вечер 05 января 2000 года

– Завтра в девять часов как штык. И думай, что врать будешь...

Не ожидая ответа – шеф стукнул по сидению впереди и водитель – тронул бронированную Волгу с места. А он – остался на грязной обочине улицы, засыпаемый тихо падающим снегом...

*Снег ложится... летает... не тает...
И поземкою кружа
Заметает, зима, заметает...
Все что было
До тебя...*

Если бы все было так просто...

Чапая по грязному снегу, он выбрался на тротуар – и пошел искать остановку. По тротуару шли люди, шли торопливо, погруженные в какие-то свои заботы.

Мирные заботы...

Он не первый раз возвращался с войны – и уже научился не ненавидеть своих сограждан, которые просто живут, простой городской жизнью, в то время как там, на Кавказе, в грязном месиве войны сражаются – кость в кость, до кровавых осколков – сражаются и умирают люди. И потому – он просто шел, смотрел по сторонам... подмечая и вразнобой припаркованные машины, и выброшенную в сугроб елку, и мигающую иллюминацию на магазине, которую еще не сняли. Кстати... магазин... хорошая идея, надо бы зайти. У него еще оставались деньги из оперативного фонда... ерунда, отчитается.

В магазине было тепло, сухо, он бросал в тележку, не считая – мясо, колбасу какую-то, какие-то фрукты... бросал, не видя ничего перед собой. У стеллажа со спиртным задержался... рука сама потянулась... нет, нельзя, надо быть трезвым. В таких обстоятельствах надо быть до боли, до крика трезвым, как бы не хотелось нажраться...

И он прокатил тележку дальше.

– Три семьсот пятьдесят будет...

Девушка на кассе – смотрела с подозрением, да и охранник подобрался поближе... пахнет от него, конечно, не фонтан, да и одежка. Но он молча достал пачку тысячных, отсчитал четыре купюры.

– Ваш пакет. И сдачи не надо...

Старый Икарус – выплюнул его на окраине Москвы с двумя огромными пакетами. Уже окончательно стемнело, новостройки высились перед ним исполинскими, расцвеченными огнями утесами. Каждая квартира, каждый огонек – как микрокосм человеческой судьбы...

Твою мать...

Он со злостью пнул подвернувшийся под ногу ком грязного снега – и решительно пошел в сторону домов...

Знакомый до боли подъезд, знакомый, исписанный лифт. Именно в таких домах на окраине Москвы – давали квартиры оставшимся без кормильца семьям героев посмертно.

Знакомая дверь. Он огляделся... ага, вон, светится глазок – подсматривает, карга старая. Хрен с тобой, подсматривай... все равно ничего не увидишь...

Обе руки были заняты тяжелыми сумками – и он как-то извернулся... позвонил в звонок... носом. Как то разом вспомнилось... Рязань... а дальше не вспоминалось – потому что она открыла дверь.

– Вот... – прервал молчание он – я... продукты принес.

Она посторонилась – и он шагнул в узкий коридор... ногой захлопнув дверь

– Лешка...

– Леша у мамы... – сказала она, не отрывая от него взгляда. У нее были совершенно шикарные глаза... медового цвета.

– Надь...

– Тебя долго не было...

– Я...

Он опустил одну сумку... затем вторую... ему зачем-то понадобились руки... чтобы сказать очередное вранье, где он был... чтобы объясниться... чтобы она поверила. Но объяснений не требовалось... их уже влекло навстречу друг другу... как разнополюсные магниты...

– Надь...

– Заткнись.

Как то само собой все получалось... вот он прижал ее к стене... рванул вниз трусики. А она только ойкнула... когда что-то упало с туалетного столика... и кажется, разбилось...

– Надь...

...

– Надь, поговорить бы надо.

– Не хочу...

Они лежали на спешно разложенном... точнее, раскиданном диване. Он сам не помнил, как они туда перебрались, после столика в прихожей...

– Ничего не хочу, слышишь...

Он слышал. И от того – было не легче.

Хреново все было.

– Я не хочу, чтобы ты туда ездил – отчетливо сказала она – не хочу...

– Я адъютант генерала ФСБ. Мы или не выезжаем за периметр Ханкалы, или выезжаем, но в сопровождении целой мотострелковой роты. Там нечего бояться.

Вместо ответа – она откинула его руку и встала. Пошла в коридор... так и не одеваясь. Свет ночника – рисовал узоры на ее обнаженном теле.

Твою мать...

Он еще какое-то время полежал – а потом пошел следом...

Ее он нашел на кухне... кухонька была маленькая, интимно-тесная, обжитая. Накинув на себя только старый халатик – она заваривала чай. Он присел у стола... молча.

Чай заварился, она начала разливать его по чашкам.

– Что я для тебя? – спросила она

– Ты знаешь.

– Нет, не знаю! – она повысила голос – ты хоть представляешь, что я чувствую, когда ты туда уезжаешь?! Ты думаешь, я верю, когда ты мне рассказываешь все эти небылицы про Полярный круг...

– Надя, я должен! Я солдат!

– Ты никакой не солдат! Ты теперь сотрудник ФСБ. Помощник генерала.

– Это то же самое.

– Нет, не то же. Сотрудники ФСБ ловят шпионов. Здесь, а не в Грозном.

Она присела напротив, заглянула ему прямо в глаза.

– Ты помнишь, как долго я тебя к себе не подпускала?

...

– Если бы ты не ушел из армии – и не подпустила бы. И не из-за денег.

...

– Лешке нужен отец. А мне – муж. Ни он не я – не вынесем еще раз...

– Надя...

– Нет, дослушай. Тебе надо принять решение. И мне тоже. Мне уже тридцатник... не девочка. Лешка тоже... он в таком возрасте, что ему нужен мужчина как пример... нужен кто-то, кто будет дома, в семье, а не так. Поэтому... ты должен принять решение. Или мы вместе... по-настоящему вместе – или... уходи.

– Надь...

– Не говори ничего. Просто – подумай об этом...

– Надь...

...

– Лешка нашелся.

– Что?!

– Лешка нашелся. Я его нашел. Он – жив...

– Что?

– Лешка жив. Его держали чеченцы в подвале. Я его нашел... в Грозном.

– Леша... жив.

– Это что-то меняет?

...

– Надь...

– Уходи.

– Надь...

– Мне надо подумать.

– Подожди...

– Я сказала – уходи! – вызверилась она

– Ты только что мне предложила законный брак, борщ по вечерам и стиралку «Вятка – автомат» – или я ошибаюсь?

– Где он?

– В госпитале, скорее всего. В нашем...

Она молча встала, прошла в комнату. Сбросила халат, начала одеваться – свитер, джинсы.

Он зашел в комнату...

– Надь...

– Пусти.

– Нет, не пушу. Я... любил тебя... всегда, еще тогда...

– Он мой муж – просто сказала она – и отец Лешки. Мы венчаны... перед Богом. И он твой друг... кстати.

– Да?! – разозлился он – а ничего так, что он отбил тебя у меня?! Ничего?! Ты хоть знаешь, что я стреляться пытался?! Дурак, был! Надо было его пристрелить, крысу, и тогда не было бы ничего!

– Я не вещь, понял?! – она ударила его в грудь и высвободилась – и я сама принимаю решения! Уходи! И сумки свои забирай с собой. Мне они не нужны!

– Ему отнеси! Больным фрукты полезны!

– Убирайся! Пошел вон!

На площадке – она выбросила сумки с продуктами следом за ним и захлопнула дверь – он заметил, как на мгновение мелькнул свет в соседней двери – карга устроилась подсматривать.

– Что зришь!? – заорал он – с...а старая! Интересно?! Интересно?! Когда же ты сдохнешь, наконец?!

И – бросился вниз, не дожидаясь лифта...

Новый день – он встретил на какой-то станции метро... открытой. Ждановской, кажется. Просто сидел с полупустой бутылкой и смотрел на падающий снег.

Рядом – притулился какой-то бомж, опасливый, драный. Он посмотрел на него... затем молча передал бутылку. Бомж принял, отхлебнул... «Финляндия»¹⁰... не шутка.

– Эта... спасибо.

– Не за что...

Он схватился за голову... зажал ее между ладонями, чтобы не лопнула

– Эй, мужик... плохо тебе? Может, Скорую позвать?

– Не надо... Скорую.

Бомж жил неподалеку отсюда, в старой, панельной хрущобе. По пути – они купили пару бутылок и закуси еще...

Бомжу то он все и рассказал. Все – начиная с самой Рязани. С того, как завязалась в узел эта история... в узел, который теперь сам черт не распутает...

Бомж слушал, понятиво кивая головой, потом многозначительно промычал

– Да... история.

За его спиной – колыхался синий цветок газовой горелки... отопления в квартире уже не было...

– И вот что, теперь мне делать? – спросил он – знаешь, если бы не... ну, короче – я бы пальцем ее не тронул, понимаешь!? Но я любил ее, с..а, любил! Едва не застрелился из-за нее! Когда Леха пропал... я подумал... значит, так тому и быть, так судьбой значит намечено. А теперь – как?! Вот как, б..., как?!

– Ну... они все-таки семья... – сказал ословевший от водки бомж.

– Да какая, б... семья?! – зло сказал он – они уже пять лет не семья! Мы – семья, понимаешь, мы! Мы уже съезжаться собирались, а тут...

– Какая-никакая, а семья – строго сказал бомж – значит, Бог так решил. И ребенку... отец нужен. А ты... если любишь ее, отойди...

Больше бомж сказать ничего не успел... он пришел в себя через несколько секунд. Бомж хрипел... в ужасе смотря на него, на занесенный для удара кулак.

Оттолкнув бомжа – он бросился вон из чужой квартиры...

¹⁰ Марка водки, в то время популярная.

Балашиха, Подмосковье. Центр подготовки войск специального назначения. 06 января 2000 года

Каким-то чудом – он не опоздал. В своем крохотном кабинетике – ему, как порученцу генерала полагался отдельный кабинет, что по здешней тесноте было роскошью – он методично привел себя в порядок. Пошел в санузел, побрился над раковиной, почистил зубы, затем сменил одежду (комплект свежей всегда был в шкафу), побрызгался одеколоном, Тройным, чтобы убрать последние признаки бурно проведенной ночи. Он заканчивал с ботинками, когда в кабинет заглянул Остряков. Видя приготовления, хмыкнул

– Давай, к Евгению Николаевичу в кабинет. Сейчас выезжаем.

Генерал – сегодня тоже был в форме, со звездой Героя и прочими наградами. Папка... значит к докладу едем.

– Коллегия ФСБ сегодня. Вопрос о нашем потеряшке включен в повестку дня. Едешь со мной...

– Есть – мрачно говорит он

– Да ты не колотись... Может, еще и подфартит тебе сегодня. Ты же у нас, как ни крути – герой. Товарища, из плена спас. Ты ведь его хорошо знал?

– Так точно.

Генерал набросил на плечи длинную, под пальто кожанку, напялил на голову шегольской «пирожок», прихлопнул сверху.

– Поехали...

Втянул воздух носом

– Тройной, что ли? Что, нормальный одеколон купить не можешь?

Уже в Волге, мчавшейся под спецсигналами в сторону Москвы – генерал как бы невзначай осведомился.

– С вдовой... точнее, супругой получается... Першунова – проблем не будет?

Как ледяной водой окатило – знает. И это – знает.

Впрочем, мало на свете было такого, о чем генерал не знал – он уже давно это просек.

– Нет.

– Хорошо бы. Не к месту нам сейчас... проблемы.

Он угрюмо промолчал

Дом-2

Главное здание, Лубянская, дом-2, самое высокое здание Москвы – с него Магадан виден, не то что. Машина – проехала мимо, свернула в проулок, проехала под светофор – здесь были такие хитрые здания, со светофорами на заездах во двор. Машина остановилась, он привычно вышел первым, огляделся, сопроводил – открыл дверь, закрыл. Пристроился на три шага сзади...

Спустились вниз. В основное здание – отсюда вел подземный переход, настоящий. В нем было немногочленно, все встречные кивали, отдавали честь – здоровья желаю...

И снова – вверх, из сумрачного мрака подземелья – в красноковерный канцеляризм коридоров, в чрево кита – внутрь неустомимой, работающей по двадцать четыре часа в сутки машины...

Он был одним из тех, кто допущен, кто многое знал – и мог наблюдать ситуацию со стороны. В девяносто первом году Шамиль Басаев, тогда студент Института нефти и газа имени Губкина – пришел к Белому дому защищать неокрепшую российскую демократию... с тремя гранатами в авоське. Это было сюрсом – но у террориста номер один России – имелась первая российская медаль – Защитнику Белого дома, в просторечье – забелдоска.

А через пару дней такие же вот обладатели забелдосок – пришли сюда, к Дому-2, хотели сначала громить его, потом, после уговоров со стороны высших должностных лиц новой России надругались символически – сдернули краном с постамента памятник Дзержинскому, святой для любого чекиста. Пустой постамент – и до сих пор стоял в центре Москвы напоминанием тем дням.

А всего через четыре года – этих чекистов, охаянных и оплеванных – и не хватило, чтобы удержать в разных мирах, в разных вселенных Басаева и сотню его отборных головорезов – и маленький южный русский город, известный ранее как Святой Крест. Миры эти столкнулись – и ничего хорошего из этого не вышло...

Но с той поры – видимо, что-то изменилось, и жители огромной страны – вспомнили о неустомимых ткачах. И дрогнуло, пробуждаясь от сна, снова пошло, со скрипом – но пошло колесо старого, заржавевшего механизма, оно увлекло за собой другое... и третье.

И – снова размахнулся маятник, разбрызгивая первые, редкие пока капли крови...

Наблюдая процесс изнутри – он поражался неустомимости людей, работающих в этой организации, неустомимости ткачей, подновляющих старые сети и ткущих новые. В ВДВ, откуда он пришел – все было заточено на быстроту, натиск, подвиг. Здесь все было не так... здесь неустомимые ткачи ставили сеть за сетью – и ждали. Они никого не ловили... но сетей становилось все больше и больше и рано или поздно в них ты попадался... просто по закону больших чисел. А зная генерала, он был уверен в том, что рано или поздно – попадется в них и Басаев.

Ведь генерал знал все...

Перед ними – привычно отворилась дверь. Генерал бросил через плечо

– Жди.

Сам прошел внутрь...

Коллегия КГБ мало изменилась со времен Андропова... те же озабоченные лица, те же листы для записей, прошнурованные и пронумерованные... компьютеров тут по-прежнему не было. Еще два года назад – в этом кресле сидел невысокий, даже щуплый подполковник из Ленинграда. Тот самый, который осваивал сейчас совсем другие кабинеты...

– Владимир Иванович, что там дальше, по теме.

– Абу Саед, Валентин Евгеньевич. Он снова проявил себя.

– Хорошо. Служба готова?

Служба – это была СВР. Служба внешней разведки. От нее – пригласили Бориса Каплунова, полковника Бориса Каплунова, еврея-мусульманина, внука эвакуированного в Ташкент актера Большого, уроженца Ташкента, который вместе с советским еще спецназом – уходил в афганские горы, чтобы встретиться с агентами...

– Итак... Абу Саед... Я позволю себе биографическую справку, не все знают.

Директор ФСБ сделал разрешительный жест.

– Настоящее имя Абу Саеда – Салман Моеддин. Он уроженец Джелалабада, родился двадцать восьмого апреля пятьдесят седьмого года в семье бедного рыночного торговца, одиннадцатый ребенок в семье, по национальности пуштун, клана Бурак. Образование – семь классов, по убеждениям на тот момент – коммунист, член НДПА, фракция Хальк¹¹. Вступил в партию еще до революции, был призван на работу в Кабул в органы госбезопасности. После свержения Хафизуллы Амина и прихода к власти фракции Парчам – возвращен обратно в Джелалабад. Партийное расследование в отношении его – не показало каких-либо нарушений законности, и он был направлен на работу в Царандой¹², в отдел по борьбе с бандитизмом.

На данной работе – проявил себя с наилучшей стороны, судя по отзывам работавших с ним советников – владел оперативной ситуацией в тех уездах, за которые отвечал, имел и расширял собственную агентурную сеть, данные, которые он предоставлял – были неизменно точны. В восемьдесят третьем – по настоянию советских специалистов был возвращен в ХАД¹³, где занялся тем же самым – борьба с бандитизмом, агентурная работа и разложение банд. На этой работе так же показал себя с лучшей стороны, однако подвергался преследованиям со стороны коллег, и непосредственного начальство, которое принадлежало фракции Парчам. В числе других афганских студентов – был направлен на повышение квалификации в СССР, характеристика на него подписана лично генералом Дроздовым¹⁴. Окончил Высшую школу КГБ в Москве, по отзывам преподавателей – настойчивый, цепкий, самолюбивый, не отступает перед трудностями. Вернулся в Афганистан в восемьдесят шестом к началу процесса национального примирения¹⁵. Поступил на работу в органы ХАД. Сыграл немалую роль в провале общего наступления банд моджахедов на Джелалабад в восемьдесят девятом.

В девяностом году – в звании подполковника государственной безопасности Афганистана – примкнул к мятежу министра обороны Шах Наваза Танаи, так же халькиста. Когда мятеж провалился – именно Моеддин организован переход министра и мятежных генералов на сторону моджахедов – и сам перешел на их сторону. В Пакистане – он сменил убеждения, примкнув к исламо-фашиствующим группам в составе руководства пакистанской армии и госбезопасности, перешел под руководство генерала армии Насраллы Бабара, на тот момент министра внутренних дел Пакистана. Так же встречался с генералом Абдаллой Гулем, на тот момент уже отстраненного от руководства пакистанской межведомственной разведкой ИСИ.

Один из авторов проекта создания организации Талибан¹⁶ из детей моджахедов, прошедших подготовку в пакистанских лагерях. Лично знаком со многими полевыми командирами и авторитетными моджахедами – в том числе с муллой Омаром, Гульбеддином Хекматъяром,

¹¹ НДПА – Народно-демократическая партия Афганистана. Состояла из двух фракций (крыльев) – Хальк и Парчам, которые по факту были самостоятельными партиями.

¹² МВД Афганистана.

¹³ Разведка Афганистана, аналог КГБ.

¹⁴ Заместитель председателя КГБ, специальный представитель председателя КГБ в Афганистане.

¹⁵ Попытка закончить войну дипломатическим путем, примирив как НДПА с моджахедами, так и враждующие между собой фракции Парчам и Хальк. Закончилась полным провалом.

¹⁶ Террористическая организация, запрещенная в РФ. *Прим. ред.*

Бурхануддином Раббани, Юнусом Халесом¹⁷. Находясь в Пакистане – принял радикальный ислам ваххабитского толка...

По нашим данным – руководство ЦРУ США через посредничество пакистанской разведки – использует бывшие элементы ХАД и Царандоя для организации подрывной работы на территории постсоветского пространства, в частности в Чеченской Республике. Основная часть его сети по-прежнему находится в Афганистане, талибам запрещено разыскивать и мстить им под угрозой прекращения поставок. При посредничестве Моеддина – организованы лагеря подготовки боевиков на территории Чеченской Республики – а так же организован массовый прием студентов с Кавказа и из республик Средней Азии в крайне ортодоксальные учебные заведения Пакистана, такие как медресе Хаккания и учебный комплекс при Красной Мечети в Исламабаде. Кроме того, в приграничных районах Афганистана создаются лагеря террористических организаций, таких как Движение Исламского возрождения Таджикистана¹⁸ и Исламское движение Узбекистана¹⁹. Согласно данным, полученным нами от разведки Северного Альянса – только узбеков в этих лагерях насчитывается не менее пяти тысяч человек, все они проходят интенсивную военную подготовку. Финансирование этой подготовки – осуществляется на средства государств Пакистан, Турция, Саудовская Аравия, под кураторством ЦРУ США и межведомственной разведки Пакистана. Инструкторами в этих лагерях – выступают кадровые военнослужащие элитных боевых частей Пакистана.

По данным из того же источника – на конец девяносто девятого – начало нулевого года – организация Талибан²⁰ и иные группировки – планировали сокрушить части Северного Альянса и осуществить массированный прорыв границы с выходом в Таджикистан и Узбекистан для развязывания там религиозной войны – джихада. Вполне вероятно, что вторжение банд Басаева и Хаттаба в Дагестан – является частью согласованного плана и должно было представлять собой отвлекающий удар – авторы плана не ожидали, что в ответ мы начнем крупномасштабную войсковую операцию с целью разгрома и ликвидации бандформирований в том числе и на территории Чеченской республики. Ожесточенным сопротивлением Северного Альянса²¹, которому с санкции президента Российской Федерации была оказана необходимая помощь – был сорван и прорыв Талибана²² в среднеазиатские республики. Но план этот – сам по себе не был отменен, он лишь перенесен на более позднее время, по нашим данным – на лето – осень две тысячи первого года. При этом, авторы плана уверены, что Северный Альянс к этому времени будет побежден, его разгром представляется обязательной предпосылкой для реализации плана. При этом – расчет делается на то, что у Российской Федерации не хватит сил для ведения второй войны в Средней Азии, войска среднеазиатских государств недееспособны и частично перейдут на сторону моджахедов, а часть населения – так же поддержит их.

Наши расчеты показывают, что предположения моджахедов верны, по крайней мере, отчасти. В Таджикистане – всего пять лет назад закончилась гражданская война, значительная часть населения ожесточена потерей близких и готова мстить. Часть бывших боевиков –

¹⁷ Мулла Омар – руководитель движения Талибан. Гульбеддин Хекматъяр – руководитель Исламской партии Афганистана. Юнус Халес – руководитель Исламской партии Афганистана Юнуса Халеса. Все трое – крайне нетерпимые религиозные фанатики.

¹⁸ Террористическая организация, запрещенная в РФ. *Прим. ред.*

¹⁹ Террористическая организация, запрещенная в РФ. *Прим. ред.*

²⁰ Террористическая организация, запрещенная в РФ. *Прим. ред.*

²¹ Часть движения моджахедов с примкнувшими к ним командирами национальных формирований Афганской народной армии, ведущая ожесточенную борьбу с Талибаном в северных провинциях страны. Возглавлялась харизматичным лидером афганских таджиков Ахмад Шахом Масудом, который к концу жизни во многом разочаровался в войне против Советской армии, которую он вел. А. Ш. Масуд был убит смертником 9 сентября 2001 года – а уже к зиме 2002 года Северный Альянс при поддержке ВВС США и спецназа – завершил освобождение территории Афганистана. Но сам Масуд, которого безусловно избрали бы президентом – до этого часа не дожил.

²² Террористическая организация, запрещенная в РФ. *Прим. ред.*

по условиям мира интегрирована в структуры армии и милиции. Протяженность границы составляет тысяча триста километров, и остановить массированный прорыв, тем более подержанный восстанием извне – будет невозможно. В Узбекистане – ведется массированная исламская пропаганда, люди раздражены плохими условиями жизни, самодурством властей, отсутствием легальной возможности добиться справедливости в случае конфликта с властью имущими. Ферганская долина – к тому же крайне переселена, на один квадратный километр приходится свыше тысячи человек. Таким образом, расчеты Талибана²³ могут и оправдаться, особенно если Россия не успеет к этому моменту завершить активную фазу операции в Чеченской Республике и перебросить силы на помощь Средней Азии и укрепление границы.

По нашим данным – Моеддин является одним из авторов этого плана, с целью оценки возможности его реализации – он неоднократно посещал страны Средней Азии под видом российского предпринимателя. На сегодняшний день – Моеддин предположительно находится на территории Афганистана, возможно в Кабуле или Джелалабаде, где продолжает работу над планом по дестабилизации обстановки в Средней Азии и на Кавказе. Моеддин является одним из наиболее опасных людей в международном исламистском движении, его ликвидация является целью первого приоритета. Спасибо, товарищи, у меня все.

– Вы забыли сказать одну вещь, полковник – сказал заместитель директора ФСБ, бывший резидент в Кабуле

...

– Это мы организовали мятеж Шах Наваза Танаи. А потом – просто бросили их – сначала, тех, кого подбили на мятеж, а потом и Афганистан в целом.

– Да, верно, товарищ генерал.

– Вот теперь – действительно, всё...

Директор постукивал по столу ручкой

– Моеддин действительно опасен?

– Несомненно. Он учился у нас, знает все наши методы. По сути, мы его готовили... в Высшей школе КГБ он учился по учебникам, содержащим опыт Великой Отечественной. Партизанская война, действия разведгрупп, диверсионная активность, создание и управление агентурными сетями, заброска...

– Разрешите?

Собравшиеся с недоумением посмотрели на молодого генерала – перебивать кого-то во время коллегии было крайне дурным тоном, и если на то нет очень веского основания.

– Вы что-то хотели сказать, генерал...

– Гришин, контртеррористический центр. Два дня назад – наша группа разгромила здание в центре Грозного. У нас есть основания полагать, что Абу Саед был там, а может и сейчас находится в Грозном.

Наступила тишина. Директор ФСБ – посмотрел на полковника Каплунова

– Это маловероятно – сказал Каплунов – по нашим данным, Абу Саед сейчас в Кабуле

– У нас есть источник, который утверждает, что Абу Саед был в Грозном не более четырех дней тому назад. Это пленный и он сейчас в наших руках. Чеченский переводчик Абу Саеда и его банды в Грозном.

– Интересно... – только и смог сказать Каплунов, фактически признавая проигрыш

– Товарищ директор, мой адъютант находится здесь... он лично участвовал в операции и может все подтвердить.

²³ Террористическая организация, запрещенная в РФ. Прим. ред.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.